

Философско-теологическая идиома Й.Г. Гаманна

Гусева А.А.

Аннотация: В статье рассматривается «старая проблема» *communicatio idiomatum* в интерпретации Й.Г. Гаманна, современника Канта, Якоби, Гердера. Для Гаманна, утверждавшего невозможность «очищения разума» от языка и говорившего о возможности познания только через язык, большую роль играет связка – *Flickwort*: связка-подкладка соединяет воедино субъект и предикат, закрывая «разрыв понимания».

Ключевые слова: *communicatio idiomatum*, связка, проблема «чистого разума».

Для протестантской ветви немецкого богословия вопрос общения и сообщения Божественного и человеческого (Бога и человека) стоял в чрезвычайно острой форме и сразу вызвал полемику, связанную с символическим или реальным присутствием Тела и Крови Христовой в Евхаристии (противостояние Лютера и Цвингли). На протяжении столетия среди теологов бушевали споры; раскол, наметившийся в лютеранском богословии, в начале XVII в. сменился перемирием (была принята *Formula Concordiae*), после чего пик догматического напряжения, связанный с *communicatio idiomatum*, пошел на спад.

Термин, получивший хорошую «обкатку» в полемических сражениях и доказавший свою жизнеспособность, был подхвачен кёнигсбергским философом Йоганном Георгом Гаманном для выражения взаимодействия Божественного и человеческого в мире. Прежде всего это касалось языка – но поскольку, по Гаманну, язык есть то, через что только и возможно познание мира и вообще всякая разумная человеческая деятельность, то эта проблема вылилась за пределы теологии – а точнее, вобрала в себя и богословское понимание языка, и состав человека, и познание бытия.

Вклад Гаманна в философию несомненно ценен, однако, несмотря на всплеск интереса, начавшийся в конце 1990-х гг. (на русском языке см. последние работы и переводы В.Х. Гильманова¹, исследования Л.С. Аликаевой², О.А. Радченко³,

---

¹ См.: *Гильманов В. Х.* Преодоление не-меня: О новой теории понимания одного философа из старого Кёнигсберга (И. Г. Гаман) // Кантовский сборник. Калининград,

публикации С.В. Волжина⁴), в нашей стране, в отличие от Германии⁵, его труды продолжают оставаться на периферии исследований.

1997. Вып. 20. С. 113-126; *он же*. «Крестовые походы» И. Г. Гамана против Просвещения // Вестник Московского университета: Сер. 7. Философия. 2005. № 3. С.14-24; *он же*. «Philologus stucis». И.Г. Гаман и его герменевтика // Вестник ВГУ. Сер.: Филология, журналистика. 2004. № 2; *он же*. Гаман и Кант: Битва за «чистый разум». Послесловие к публикации // Кантовский сборник. 2012. № 2. С. 56-64; *он же*. Метакритика vs. Критика чистого разума. Послесловие к публикации // Кантовский сборник. 2012. № 4. С. 93-99; *он же*. Переписка Иммануила Канта и Иоганна Георга Гамана (вступ. ст., перев. и коммент. В.Х. Гильманова) // Кантовский сборник. 2009. № 1. См. также: *Гильманов В.Х.* И.Г. Гаман и литература Просвещения (Опыт универсальной герменевтики). Дис. ... доктора филол. наук. Калининград, 2006. В 2003 г. вышла монография Гильманова о гаманновской «философии образа» (*Гильманов В.Х.* Философия образа И.Г. Гаманна и Просвещение. Калининград, 2003. 567 с.).

² См.: *Аликаева Л.С.* Философия языка в творчестве Й.Г. Гаманна // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 7-12. См. также: *Аликаева Л.С.* Немецкий лингвофилософский дискурс XVIII столетия (концепция Й.Г. Гаманна). Дис. ... кандидата филол. наук. Нальчик, 2009.

³ См.: *Радченко О.А.* Язык как мирозидание. Лингвофилософские основы неогумбольдтианства. Т. 1-2. М., 1997; *Радченко О.А., Аликаева Л.С.* Й.Г. Гаманн в лингвистическом дискурсе XVIII столетия // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 82-101.

⁴ *Гаман И.Г. Якоби Ф.Г.* Философия чувства и веры / Сост. вступ. ст., пер с нем., прилож., коммент., примеч.: С.В. Волжин. СПб., 2006. В этом издании приведен перевод двух текстов Гаманна – Brocken («Крохи», возможен вариант перевода «Заметки») и Metakritik über den Purismus der reinen Vernunft («Метакритика пуризма чистого разума»). См. также: *Волжин С.В.* Философия чувства и веры И.Г. Гаманна и Ф.Г. Якоби в контексте философии культуры немецкого просвещения. Дис. ... кандидата филол. наук. СПб., 2007. 168 с.

⁵ Полный список публикаций о Гаманне на немецком языке с 1996 года приведен на сайте: <http://www.hamann-kolloquium.de/lit96>. Там же помещены его труды: «Gedanken über meinen Lebenslauf» (1759), «Brocken» (1759), «Sokratische Denkwürdigkeiten» (1759), «Versuch über eine akademische Frage» (1760), «Aesthetica in nuce» (1762), «Schriftsteller und Kunstrichter» (1762), «Leser und Kunstrichter» (1762), «Ritter von Rosencreuz» (1772), «Versuch einer Sibylle über die Ehe» (1775), «Konxompaх» (1779), «Zwey Scherflein zur neusten deutschen Literatur» (1780), «Metakritik über den Purismus der reinen Vernunft» (1784) и некоторые письма.

Бытие в языке как познание

И.Г. Гаманн (1730-1788), родившийся в Кёнигсберге и проживший там большую часть своей жизни, был филологом по образованию и призванию. Будучи одним из вдохновителей «Бури и натиска», тесно общавшийся с И.Г. Гердером, Ф.Г. Якоби, переписывавшийся с И. Кантом, он создавал наполненные аллюзиями и реминисценциями из Писания тексты, в которых метафорический стиль изложения, наполненный внутренним горением поистине миссионерский пафос сменялся мягкой иронией, сопровождаемой цитатами-криптограммами, требующими незаурядной эрудиции от читателя.

Стиль Гаманна, который Гёте называл «сивилловым» (замечая, что он и сам проникся этим стилем), отталкивал и одновременно притягивал, увлекая в глубины образов. «Он пел ужасно, но зачаровывал слушателей. Чувствовалось, что он сам взволнован своим пением, и эти ощущения передавались окружающим»⁶.

Г.В.Ф. Гегель, написавший предисловие к изданию собрания сочинений Гаманна, также отмечает, что тексты Гаманна с точки зрения способа изложения мысли «составляют загадку, притом утомительную»⁷: однако «темный стиль» Гаманна происходит от того, что он пытается объяснить само понимание, а его нельзя объяснить эмпирически, и потому, как и пишет Гегель, стиль Гаманна составляет часть его самого.

Стянутые в единый узел язык, познание, вера, человек – то, что раскрывается в разной степени во всех его текстах. Необходимым условием познания для Гаманна является вера – как готовность открыться навстречу Божественному замыслу, как жажда чтения Книги Бога⁸.

Проблема соотношения веры и знания для века Просвещения стояла остро и решалась на разных путях. Гаманн, противостоявший т. н. рационалистическому направлению мысли, создал христоцентричную теорию познания, где ведущая роль

---

⁶ Носов Н. Преступные философы. М., 2007. С. 145.

⁷ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Соч.: В т. 2. Т. 1. М., 1970. С. 577.

⁸ В христианской догматике это называется «естественное познание». (См.: Давыденков О., прот. Догматическое богословие М., 1997. В 3 частях. Ч. 1-2. С. 56.)

был отдана Логосу-слову и его действию в мире и человеке как «вхождению бесконечного» в конечный человеческий мир⁹.

Первым, еще в гранках, которые посылались ему по его просьбе, он прочитал «Критику чистого разума» - и тут же написал рецензию, не отданную в печать, вероятно, из-за дружеских чувств и благодарности, испытываемых к Канту; позже это вылилось в написание «Метакритики пуризма чистого разума» (1784 – вышла в свет только в 1800) которая, оставшись незавершенной, была опубликована после смерти автора в первом собрании его сочинений¹⁰ - в ней Гаманн обобщил и развил свои сомнения относительно познавательных возможностей чистого разума и возможности его существования отдельно от языка. Сохранилась переписка Канта и Гаманна, освещающая основные моменты их полемики в дополнение и развитие проблемы соотношения языка и разума¹¹.

Название для расширенной рецензии-эссе было выбрано не случайно. Греческий префикс *мета-*, кроме «совместности» и «следования во времени», обозначает «изменение, перемещение» - как в метафоре, метатезе, метаморфозе. И это даже не просто изменение, а изъятие и перемещение в иной ракурс – метакритика как снятие условий, которые мешают пониманию – именно это на самом деле означает название труда Канта. «Критика чистого разума» на самом деле является *метакритикой*. А гаманновский текст, наоборот, - критикой. Гаманновский стиль, то ранящий, то точно разящий, в одном названии сразу выстроил каркас дальнейшей аргументации.

Точкой кипения был спор о языке: в «Критике чистого разума» Кант исключил из рассмотрения роль языка в мышлении. 30 апреля 1787 г. Гаманн пишет Якоби: «Что на твоём языке бытие, я предпочёл бы назвать словом». В этом же письме говорится о трёх «очищениях философии» – отделение разума от «наследия» (*Überlieferung*, традиции) и веры, отделение от опыта и, как «высший пуризм», отделение языка – которые ведут, по Гаманну, к снятию разума. Без посредства языка «сам разум как

---

⁹ Гильманов В.Х. И.Г. Гаман и литература Просвещения (Опыт универсальной герменевтики). С. 288.

¹⁰ Публикацию на русском языке в переводе С.В. Волжина см.: И.Г. Гаманн, Ф.Г. Якоби. Философия чувства и веры. С. 81-88.

¹¹ Письма Гаманна к Канту были опубликованы В.Х. Гильмановым в «Кантовском сборнике» (2009. № 1).

таковой не способен обладать общесообщаемостью и собственным действительным опытом»¹².

Кант снял то, что является на самом деле основанием разума – очистив разум, как думает Кант, от ненужного, он на самом деле очистил разум от себя самого – и от человека. «Чистого» разума, отдельного от языка (и от человека), быть не может: «Разум невидим без языка» (письмо к Якоби 25 апреля 1787 г.).

«Не только вся способность мыслить основана на языке, ...но язык есть и средоточие непонимания разумом себя самого, отчасти из-за постоянного совпадения величайших и мельчайших понятий, их полноты и пустоты в идеальных предложениях, отчасти же – из-за бесконечности речи»¹³.

В. Дильтей в предисловии к изданию избранных трудов Гаманна (1936) разбирает вопрос о его споре с Кантом¹⁴. (Дильтей, не слишком высоко оценивая способности Гаманна излагать мысль, признает и даже подчеркивает, однако, насыщенность содержания: «...он был не в состоянии удержать нить искусной сплетенной ткани диалектики, не запутав ее»¹⁵). Воссоздавая ход рассуждений Гаманна, Дильтей говорит,

---

¹² Гаманн И.Г. Метакритика пуризма чистого разума // Гаманн И.Г., Якоби Ф.Г. Философия чувства и веры. СПб., 2006. С. 82.

¹³ Радченко О.А., Аликаева Л.С. Й. Гаманн в лингвистическом дискурсе XVIII столетия. ВЯ 2011. № 11. С. 82-101. С. 99.

¹⁴ См.: Diltthey W. Johann Georg Hamann // Diltthey W. Gesammelte Schriften. B. XI: Vom Anfang des geschichtlichen Bewusstseins. Jugendaufsätze und Erinnerungen. Leipzig-Berlin, 1936. S. 1-19

¹⁵ Словно в ответ на известную характеристику Гёте о Гаманне – «одна из самых светлых голов нашего времени» - Дильтей называет его «одной из самых несистематических голов». Такая оценка вызвана отсутствием установки на понимание и приятие формы и стиля гаманновских текстов, в которых, к тому же, теологическое начало превалировало над рационалистическими вкусами эпохи Просвещения. Однако же Гаманн, называя себя филологом, буквально бьется за точность, емкость и аргументированность высказывания: «Что же нам нужно сказать о вкусе филолога? Прежде всего, его имя означает почитателя живого, действенного, обоюдоострого, проникающего до разделения составов и мозгов, критического слова, перед которым нет твари, сокровенной от него, но все обнажено и открыто перед его глазами». (цит. по: Гильманов В.Х. «Philologus crucis». И.Г. Гаманн и его герменевтика // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2004. № 2. С. 50-53. С. 52). Точность Гаманна была не в последовательности синтагм – а в самом языке, которым он искал иные решения поставленных для всех вопросов (это как язык Андрея Платонова, о

что хотя того и «терзает мысль» о *principium coincidentiae oppositorum* (совпадения противоположностей) Джордано Бруно»¹⁶ как возможный ход в решении проблемы соотношения разума и языка, однако «он не был в состоянии в достаточной мере продолжить эту мысль дальше» и, словно осознавая свою немощь, пишет Якоби, с горечью сожалея: «Я совсем отказался от этого исследования; из-за его трудности я придерживаюсь отныне лишь видимого элемента (начала), органа и критерия – моего языка»¹⁷. «Если я был бы так одарен речью, как Демосфен, - писал он Гердеру 6 августа 1784 г., - я трижды повторил бы как отдельное слово: “Разум есть язык – логос”. Эту мозговую кость я грызу и буду грызть до самой смерти. Это все еще представляет для меня тьму над бездною»¹⁸. (Тьма над бездной, здесь, разумеется, не столько «тьма» как мрак и безысходность, - а скорее, напротив, преддверие творения – творения мира Логосом; слишком явная аллюзия к Книге Бытия не позволяет понимать эту фразу Гаманна в «одномерном» смысле.)

Эту, пожалуй, самую известную, цитату Гаманна приводит Хайдеггер в докладе «Язык» (1950). Ссылаясь на Гаманна, он говорит о невозможности свести язык к чистым понятиям: мы можем помыслить только язык. «Язык есть; язык и ничего кроме него». Хайдеггеровская логосная гносеология не теологична и, тем более, не христоцентрична, поэтому проблема соединения несоединимого не стоит в его текстах так остро, как у Гаманна. Хайдеггер закольцовывает гаманновскую мысль: «Как

котором переводчик Виктор Гольшев говорил: «Впечатление такое, будто человек впервые говорит на русском языке и вообще впервые видит вещи» (лекция, прочитанная в Московском Пресс-центре РИА-Новости, <http://www.colta.ru/articles/specials/959>)).

¹⁶ Гаманн ссылаясь на «*De Uno*» Джордано Бруно, который, взяв термин Николая Кузанского, развил его скорее в пантеистическом ключе. Об истории термина см., напр.: *Бандуровский К.В.* Николай Кузанский и аристотелизм: *coincidentia oppositorum* // *Coincidentia oppositorum: от Николая Кузанского к Николаю Бердяеву.* СПб.: Алетейя, 2010. С. 23-31.

¹⁷ *Dilthey W.* Op. cit.

¹⁸ *Хайдеггер М.* Язык. Перев., примеч. Б.В. Маркова. СПб., Ленинградский союз ученых, 1991 (<http://lib.ru/HEIDEGGER/yazyk.txt>).

Сам Гаманн, как известно, страдал заиканием – выговаривание языка давалось ему с трудом. Образ Демосфена, отрабатывающего технику чистого говорения с камнями во рту, соотносится с образом философа, который в самом мышлении и его выражении имеет дело с тяжелым, неповоротливым, но мощным, охватывающим и направляющим мысль языком.

пребывает язык как язык?.. Язык говорит», он деятелен и действен, разворачивается в действии. Бездна, с точки зрения Хайдеггера, открывается перед Гаманном в тот момент, когда он пришел к осознанию, что язык – это разум. «Пытаясь ответить на вопрос, что есть разум, - пишет Хайдеггер в докладе, - Гаманн приходит обратно к языку». Но у Гаманна «язык» и «разум», невзирая на ставшее афоризмом высказывание «Разум есть язык» - отнюдь не синонимы, а, скорее, логические паронимы. Хайдеггер пытался «закольцевать» язык – а гаманновская герменевтика строго вертикальна; созвучие терминологии и направленности хайдеггеровской и гаманновской проблематики вовсе не ведет к их совпадению.

Соединение противоположного и возможность «чистого разума»: интерпретация Гаманна

Тема соединения несоединимого, имеющая прямое отношения к *communicatio idiomatum*, как в богословском, так и в философском понимании, касается прежде всего языка. Сопряжение материального, вещного, – с невидимым, с происходящим за пределами видимого становится возможным благодаря сообщению их свойств и находит свое выражение в речи и письме, элементы которых, звуки и буквы, тем самым, оказываются наполнены философским содержанием.

Звуки и буквы – как элементы, или начала, языка и мира – обладают в философско-теологической системе Гаманна двойным значением. Так проявляется сообщение свойств, которое избирает сферой своего действия язык, соединяя замысел о человеке и мире с их реализацией. В «проблеме», если можно так сказать, звуков и букв, Гаманн решает одну из загадок – соединение двух различных природ и возможность восприятия одной природы через другую – ведь звуки и буквы не имеют ничего общего с вещами, ими обозначаемыми, это, с одной стороны, «чистые априорные формы», а с другой, пишет Гаманн, «истинно эстетические моменты всякого познания и разума»¹⁹ - то есть они служат средством выражения вовне деятельности разума, будучи чем-то совершенно иным. Эстетика в гаманновском понимании связана с древнегреческим «эстетис» (αἴσθησις), это «ощущение», «восприятие», «познание» - и, как пишет, словно

---

¹⁹ *Fritsch Fr. Communicatio idiomatum. Zur Bedeutung einer christologischen Bestimmung für das Denken Johann Georg Hamanns. Berlin, New York, 1999. S. 230.*

угадывая обоснование возможности *communicatio idiomatum*, В.В. Библихин, «в эстетическое сущее открыто нам и мы открыты сущему, даже становимся им»²⁰.

Все эти вопросы обсуждаются (и находят решение) в «Метакритике».

Соединение несоединимого в слове можно познать как «философскую тайну» - или таинство. Звуки и буквы приравниваются Гаманном к «первоначалам» - хлебу и вину, которые имеют свои естественные качества - имя и вкус, но становятся иным (или вбирают в себя иное), Телом и Кровью, лишь с присоединением *Einsetzungswort*, слов анафоры²¹ (ср. августиновское: *Accidit verbum ad elementum, et fit sacramentum* – «Обратилось слово к первоначалу, и стало таинство»²²). По Гаманну, звуки и буквы – эстетические, выразительные первоначала «всего человеческого познания». Событие *Einsetzung* (букв. ‘назначение’ - как нарекание, это чистый перформатив, при этом его внутреннее время, если можно так сказать, «говоримое сейчас в будущее», это такое грамматическое настоящее, которое связывает нас с будущим и делает возможным находиться сразу в двух временах) через словесный знак связывает с *a priori* последовательность букв, а через традицию и веру *a posteriori* сцепляется с значением в ставшее (ставшее возможным) единство. Итак, для Гаманна «не пространство и время, а звуки и буквы – “истинно трансцендентальные, а значит, делающие возможным познание, эстетические первоначала”»²³.

Словесная природа двойственна. Слово принадлежит «эмпирическому», потому что способно вызывать зрительные и слуховые ощущения, и, с другой стороны, – «чистому» - значение слова не определяется через что-то, принадлежащее ощущению.

Поэтому, хотя независимая от опыта чистота и зависимая от опыта эмпирическая реальность слова и должны различаться, однако будучи по причине «обмена свойств» (*Idiomenwechsel*) между областью смысла (*Sinnlichkeit*) и пониманием, соотносятся и взаимодействуют друг другом.

---

²⁰ Библихин В.В. По поводу «Чтения “Теэтета”» // Библихин В.В. Чтение философии. СПб.: Наука, 2009. С. 532. Можно даже сказать, что «эстетические» звуки и буквы Гаманна эйдетичны, если трактовать эйдос так, как Лосев в главе «Кратчайшая формула эстетики Аристотеля» (Лосев А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. С. 431).

²¹ *Fritsch. Fr. Op. cit. S. 230.*

²² *Augustinus. Tractatum in Johann. 80, 3.* По мнению В.Х. Гильманова, Гаманн был слабо знаком со святоотеческой традицией, но тексты Августина знал и цитировал.

²³ *Fritsch Fr. Op. cit.*

Гаманновское *communicatio idiomatum* – общение между Богом и человеком, ведущее к гармонии «знака», «значения» и «образа» - онтологично. «Весь действительный мир проникнут “значением” и смысловой перспективой, источниками которой являются, с одной стороны, Бог как первоисток всего бытия и всего смысла, а с другой, - человек, созданный по образу и подобию как существо, способное отвечать на призыв Бога, звучащий в “образной” структуре бытия»²⁴. Цель Гаманна – поддерживать, сохранить, «оживить» в нас идею образа и подобия, конкретным «воплощением которой в “контингентной истории” и в “контингентном” образе стал Христос, живой Логос Бога, “скрытый в нас Человек”»²⁵.

Выстроенная вертикаль понимания мира – человека, природы, истории, таким образом, обусловлена принципом *communicatio idiomatum*. Сожаление Гаманна, что для Бога у его современников остается все меньше места, вызвано еще и тем, что забвение эквивокативности ведет к отчуждению человека от природы, истории, в конечном итоге – к замыканию понимания в *circulus vitiosus*. Заметим, что термин «идиома», с семантикой особенного, закрытого, живущего как автономная система словосочетания, в современной лингвистике стал возможен именно в секулярный период.

В «Метакритике» Гаманн пишет о древнейшем, образном языке – он был «музыкой», которая представляла собой «живейшее воплощение прообраза всякой меры времени», а древнейший шрифт «живописью и рисунком»²⁶, который моделировал и преображал пространство. Эти категории не могли не отразиться на мышлении, став если не «врожденными идеями» (*ideae innatae*), то, по крайней мере, – «матрицами всякого нашего знания, основанного на чувственном (смысловом) восприятии»²⁷. Звуки и буквы «исторически» предшествуют кантовским пространству и времени как априорным формам. Разум уже окутан «живописью» и «музыкой», и он поэтому не «чистый», а «живой».

Говоря о возможности познания, Гаманн приводит образ древа.

С выращивания деревьев – логических, онтологических, метафорических – начинался каждый новый образ мира. В отличие от других деревьев - древа познания

---

²⁴ Гильманов В.Х. И.Г. Гаманн и литература Просвещения... С. 286.

²⁵ Там же. С. 432.

²⁶ Гаманн И.Г. Метакритика... С. 84.

²⁷ Там же.

добра и зла, дерева Порфирия, дерева Бозэция, замкнувшего в круг порфириевское дерево, введя субъект-субстанцию, - дерево Декарта растет корнями вверх, потому что начинается не с сущности, а с естественного разума. Метафизические корни декартовского дерева - в непроглядной тьме, хотя и наверху.

Гаманновское дерево - с двумя стволами, которыми являются чувственное и рациональное, при едином корне. (Благодаря чувственному предметы становятся нам данными, благодаря второму – мыслимыми.) Развивая эту метафору, Гаманн, предостерегая от гибели дерева («расщепление общего корня и дихотомия ...приведут к тому, что оба эти ствола нашего знания... засохнут»²⁸), переворачивает гносеологическое дерево так, что чувственное и рациональное, напротив, становятся двумя корнями, один из которых «обращен наверх, к Небу», другой «сокрыт внизу, в земле» – при едином, наполненном живительными соками, зеленеющем листовую стволе.

Это дерево стоит между деревьями Бозэция и Декарта. Его цель – соединение родовидовой философии с сущностью на вершине с протестантской (христианской) идеей творения – поэтому один корень был переведен вверх, а другой остался внизу, самым прочным и даже жестким образом соединяя мысль и слово.

Познание возможно только в словах – иначе, чем при помощи слов, человек не может прочесть замысел Бога о нем.

Слова, следовательно, «имеют две способности – выступать как элементы чувственного восприятия и созерцания (благодаря своей форме), и как элементы разума и понятийной сферы (благодаря “духу их использования” и значению)»²⁹. Гаманн ставит два вопроса, еще резче подчеркивающих разность несоединимого: «1) возможно ли из созерцания буквенного состава слова выделить его понятийное содержание? 2) возможно ли извлечь из понятия разума “материю его имени”?»³⁰. В первом случае ответ может быть как положительным (говоря современным языком, это прозрачная внутренняя форма), так и отрицательным (стершаяся внутренняя форма). На второй вопрос Гаманн отвечает только отрицательно, «хотя любой “Гомер чистого разума” оставляет возможность такой “априорно-апостериорной” связи, некоего философского языка. Именно эту возможность “вывести форму эмпирического созерцания без

---

²⁸ Там же. С. 85.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

предмета или знака из чистого и пустого качества нашего внешнего и внутреннего умонастроения” Гаман считает краеугольным камнем критического идеализма»³¹.

Автономный разум опасен (именно объяснение познания с помощью «чистого разума» он и называет «мистикой»³² в полемике с Кантом) – он убивает «живую диалектику “образной структуры” Откровения», диалектику «буквы и значения», «рождая собственную “букву”, собственное “имя”, “значением” которого становится он сам – разум. Гаманн убежден, что этот маленький “вечный круг” захваченности разума самим собой опасен для культуры и имплицитно энтропию чувства и мысли, имплицитно, в конечном итоге, то, что Ницше назвал “величайшим из событий Нового времени” – “смерть Бога”»³³.

Разум опирается на установки, относящиеся к иному, - определяющиеся языком. Потому критика разума – это критика языка.

«...разум всегда покоится на предпосылках, которые не создаются им самим, но всегда предопределяют его природу»³⁴. Эти предпосылки коренятся внутри языка.

Кант в Предисловии к «Критике чистого разума» говорит о возможности создать понятийную метафизику, благодаря которой можно будет легко достигать понимания – если изъясняться на языке понятий. Гаманн же считает, что изначально существует *gemeine Volkssprache*, в котором заложена история народа, его опыт, богатство восприятий, накопленное поколениями говоривших до нас. Слово нерасторжимо с понятием. В этом смысле можно заметить, обращаясь к анализу корня *eid-/id-*, - давшему начало эйдосу, идее, идиоме и хорошо заметному в термине *communicatio idiomatum* – что он задает семантику оформленности, завершенности, происходящей одновременно изнутри и снаружи. Нераздельность слова и понятия как *coincidentia oppositorum* не просто совпадение, а взаимовыстраивание их, поэтому закономерно и

---

³¹ Там же.

³² Термин «мистика» для Гаманна означает здесь «стремление к абстракции, воплощенной в переоценке понятия, любовь к чистой форме, которая игнорирует материальное, чувственное и эмпирическое» (*Михайлов А.А. К вопросу об одной забытой полемике: Гаманн vs. Кант // Сущность и слово. Сб. ст. М.: ИФ РАН, Феноменология-Герменевтика, 2009. С. 297*

³³ *Гильманов В.Х. Гаман и Кант: битва за «чистый разум» (послесловие к публикации) // Кантовский сборник. 2012. № 2. С. 56-64. С. 63.*

³⁴ *Михайлов А.А. К вопросу об одной забытой полемике: Гаманн vs. Кант // Сущность и слово. Сб. ст. М.: ИФ РАН, Феноменология-Герменевтика, 2009. С. 293-С. 304. С. 298.*

логично для Гаманна рассматривать в одном контексте *communicatio idiomatum* и *principium coincidentiae oppositorum*. В корне *eid-/id* разворачивается и возможность совпадения противоположностей – возможность общения разных природ.

«Поскольку чувственность и рассудок, по Гаманну, существуют в единстве, сами структуры языка в имплицитном виде всегда уже предполагают это единство. То, что Кант пытается обнаружить в высоких абстракциях чистого разума, в действительности уже всегда присутствуют в используемом нами языке»³⁵.

Это положение противоположно декартовскому (язык определяют структуры сознания): по Гаманну, из языка рождаются смыслы, язык моделирует способы постижения действительности и, в конечном итоге, саму действительность.

Возможно ли «очищение философии»: понимание в круге идиомы

Как указывалось выше, в центре герменевтики Гаманна – понимание человеком Божественного замысла. На взаимной устремленности Бога и человека и основано гаманновское *communicatio idiomatum*, которое имеет в данном контексте теологически-гносеологический оттенок. Условием возможности принятия знания³⁶ является вера. Именно эта взаимная устремленность делает возможной онтологико-грамматическую связку «быть», как осуществляющей связь между Словом и обыденным языком (Гаманн называет ее *Machtwort* или *Flickwort*), соединяющей противоположное. Поскольку, «согласно Гаманну, все мироздание имеет божественно-словесную природу и сущность языка может быть понята только как обращение и нисхождение Бога к человеку»³⁷.

Бог – автор, писатель, создавший для блага человека (так проявляется устремленность Божественной любви к человеку) три книги – книгу Природы, книгу Истории и книгу Священного Писания. Задача человеческой жизни – понять эти три книги и, услышав их смысл, выстроить по ним себя и мир вокруг себя³⁸.

---

³⁵ Там же. С. 300.

³⁶ См.: *Fritsch Fr.* *Communicatio idiomatum. Zur Bedeutung einer christologischen Bestimmung für das Denken Johann Georg Hamanns.* Berlin, New York, 1999. S. 106 u.w.

³⁷ *Гильманов В.Х.* «Philologus crucis» И.Г. Гаман и его герменевтика // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2004. № 2. С. 50-53. С. 50.

³⁸ Три книги, выступающие в качестве первописьма Бога, - тоже нововведение Гаманна. Августин создал философию истории («О Граде Божиим»). В Средние века Бог был автор одной книги – книги Бытия. Позднее, в XII в. были разделены Книга Бытия и Книга

Процесс познания изображается Гаманном как «микрологическая фигура движения священной истории “человеческого обожения и воплощения Божия”»³⁹. Встреча «понятия» и «созерцания» обусловлена взаимодействием противостоящих («далеких [друг от друга] как небо», пишет Гаманн) сущностей, которые обретают это единство благодаря логосной структуре разума. Каждое слово человеческого говорения является также и символом Слова, какое «было в начале у Бога» и которое сообщается человеку в мире. Анализируя говорение, Гаманн пишет, что надо взаимодействовать с сакраментальными, таинственными образами выговариваемого. Слово «смысловой речи»⁴⁰, которое человек обращает к другому человеку, носит также таинственный характер, именно это и делает возможной коммуникацию, иначе люди говорили бы о разном и никогда не достигали бы понимания.

По Гаманну, кантовский трансцендентализм «противится духовно-физической структуре действительности так же, как и структуре мысли»⁴¹ - это «попытка сделать разум объектом его самого». Такой разум, «смирненно воздерживающийся от участия в

Природы – начинается техническое преобразование мира и попытка технически его понять. У Гаманна три Книги четко разделены. Библия – образец. Книга Природы – то, в чем это происходит, Книга Истории – ведет за собой все. Дильтей также обращает на это внимание, так как, во-первых, для него история была приоритетной (см. его «Введение в науки о духе»), а во-вторых, его волновали возможности классификации научного знания, что также входило в интересы Гаманна, хотя и «контурно». Гаманн намечает тройственное деление знаний. Писание – как оболочка, а Книги Природы и Истории – как способы познания и возможности причастности Книге Бытия. О Книгах Бога см.: *Неретина С.С.* Августин: значение и понимание // Истина и благо универсальное и сингулярное. М., 2002. С. 104-146.

³⁹ *Fritsch Fr.* Op. cit. S. 233 u. w.

⁴⁰ *Sinnliche Rede*; Sinn можно передать и как ‘чувство, ощущение’, и как ‘чувство как понимание’, и как ‘смысл’, и как ‘ум, сознание’. При этом первое словарное значение – ‘чувство, ощущение’ (Немецко-русский словарь. Ок. 95 000 слов. М.: Русский язык, 1992. Авт.-сост. К. Лейн, Д.Г. Мальцева и др.). Если гаманновский термин ‘Sinn’ перевести как чувство, это приведет к иной интерпретации его герменевтики и, скорее, переведет текст в систему Руссо, что не соответствовало бы замыслу Гаманна, бывшему таким же «человеком Просвещения», как Якоби (‘Sinn’ которого имеет давнюю традицию перевода как ‘чувство’, хотя порой рядом хочется видеть комментарий переводчика, связывающий «чувство», «восприятие», «сознание» и «смысл»), Гердер, Кант.

⁴¹ *Fritsch Fr.* Op. cit. S. 232.

“данном”, которое встречается ему только в случайном наборе звуков и букв», явно непродуктивен.

Гаманн, развивая тезис о *coincidentia*, приводит христологическую фигуру *communicatio idiomatum* как объяснение отношения между природой и разумом – это «всеприсутствие (*omnipräsens*) *ино*го в элементах материального и интеллектуального мира»⁴². Основой понимания он полагает «проявление в Логосе конституирующей совместности божественно-человеческого единства в противоположности, которое, пронизывая до самой глубины человеческий язык, оказывает влияние как коинцидент “вещи” и “понятия”»⁴³, так же как в Христе Божественное и человеческое – коинцидент, поскольку неснимаемая и необходимая противоположность Бога и человека «утверждается как момент Божественной идентичности»⁴⁴. Вечное Слово обретает в плоти конкретность, срачиваясь с человеческим – вот суть гаманновского коинцидента, «единственное достаточное основание всех противоречий – и истинный процесс их разрешения и улаживания»⁴⁵.

Гаманн совершает «метакритическую переброску постановки вопроса»⁴⁶ - он ставит задачей рассмотреть, не как возможно мыслить «без и прежде всякого опыта», но как возможно мыслить вообще – именно так звучит для Гаманна основной вопрос теории познания. Это означает, что разум не может существовать и действовать без опыта и традиций. «Эмпирическая реальность» формируется языком и в языке. Через звуки и буквы выходит навстречу миру мысль, получая «смысловое настоящее». Звуки и буквы, как указывалось выше, Гаманн называет «эстетическими элементами», причем не только в смысле «восприятия, познания», но и как начала выражения, выхода вовне невидимого и еще не оформившегося. Так внутреннее (внутренняя форма) выходит через язык с помощью внешнего (внешней формы). Именно поэтому язык – «единственный, первый и последний органон и критерий разума».

(Еще одна сфера *coincidentia oppositorum* – антонимы. Как мы видели, ни у Аристотеля, ни у Порфирия, ни у Бозция этого термина нет – и это естественно, потому что антонимы в рассмотрении античных и средневековых грамматиков представляют

---

⁴² Ibid. S. 131.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid. S. 228.

собой контрастные синонимы, то, что современная лингвистика называет «архилексемами».)

Еще одна афористическая фраза Гаманна: «Думать – значит говорить в мыслях» в данном контексте не имеет ничего общего с внутренней речью. Думать – значит познавать действительность в языке через разум. Говорить – значит выражать это познание.

Доказывая невозможность отделения традиций и веры от разума, Гаманн рассматривает «общенародный язык»: это «прекраснейшая притча», но и «презренная змея простонародной речи», в которой «соединились ипостасно две природы - смысловая (содержащаяся в языке) и понимаемая – для обмена свойств, Idiomenwechsel, их сил, тайны синтеза соответствующих a priori и a posteriori, вместе с транссубстантивацией субъектных условий и субсумпциями в объективных предикатах и атрибутах через связку Machtwort или Flickwort способствующую изменению времени и наполнению пустого пространства»⁴⁷. Кантовское «разделение эстетики и логики» оказывается невозможным благодаря разъясненному Гаманном обмену свойств. Цитируя Гаманна – «способность мыслить покоится в языке».

В письмах к Якоби от 1 декабря 1784 и 27 апреля 1787 г. Гаманн сообщает о намерении создать грамматику разума. Эта мысль находит отражение в философском эпистолярном романе Якоби «Из писем Эдварда Альвиля» (издан в 1792) - в письме «Эрхарду О.**», присоединенном позже к основному тексту, Якоби поднимает вопросы, затронутые Гаманном в «Метакритике», – о возможности «чистого разума», роли языка в познании, вере. В конце Якоби приводит почти гаманновские слова – о необходимости «критики языка» как «метакритики разума»⁴⁸. Тогда проблема понимания будет решена – как она не может быть решена, если кроме разума, все остальное вынести за скобки, то есть «очистить философию» от лишнего, мешающего анализу.

Грамматика разума и есть выход вовне результатов деятельности разума – грамматика соединяет детали в их взаимопричастности, обнаруживая онтогносеологическое местоимение – как место для того, чем ты владеешь.

---

⁴⁷ Ibid. S. 229.

⁴⁸ Чернов С.А., Шевченко И.В. Фридрих Якоби: вера, чувство, разум. М., 2010. С. 150-151.

«Язык есть средоточие непонимания разумом самим себя». Именно в непонимании начинается бурление недоумений, броуновское движение поиска смыслов и форм, ведущее к обращению в языковое пространство, где есть ответы на смятение вопросов, где структурированный опыт поколений подсказывает возможность решения.

Гаманн был усердным читателем и любителем универсальных грамматик, что, во-первых, привело его к проблеме соотношения универсального и идиоэтнического в языке. А во-вторых, читая универсальные грамматики, Гаманн задумался о том, как действуют универсальные языковые структуры, «вживленные» в разум, каково соответствие логических и грамматических структур. Он признавался Якоби (письмо 22 января 1785 г.), что с огромным интересом читает Хэрриса⁴⁹. Чтение «Гермеса» побудило Гаманна обратиться к вопросам «скрытой грамматики». В глубинах языка, пишет он, ссылаясь на Фонтенеля, «царит форма чрезвычайно тонкой метафизики, которая всё направляет»⁵⁰. Поэтому перед философией стоит «важнейшая и серьезнейшая задача – выявить скрытую метафизику языка», именно в ней лежит «ключ ко всей науке»⁵¹.

Эта метафизика языка отличается от общей (универсальной) грамматики в следующих пунктах. 1. Метафизика языка закрепляется в опыте. 2. Она представляет собой род априори для всех остальных наук. 3. В глубинах языка его господствующие силы находятся в постоянном действии⁵².

«Разум есть язык», писал Гаманн в «Метакритике». Понимать эту фразу следует не так, что разум равен и тождествен языку, - между ними «инклюзивные отношения»: «когнитивная возможность языка охватывает все остальные части когнитивных возможностей, например, разум»⁵³.

---

⁴⁹ *Хэррис Дж.* Гермес, или Философское исследование о языке и универсальной грамматике (*Harris J. Hermes, or a Philosophical Inquiry concerning Language and Universal Grammar. London, Menston, 1751.* По всей видимости, именно это издание читал Гаманн – а с его легкой руки Гердер и впоследствии Гумбольдт).

⁵⁰ *Leiss E.* “Die Vernunft ist ein Wetterhahn”. *Johann Georg Hamanns Sprachtheorie und die Dialektik der Aufklärung // Zeitschrift für germanistische Linguistik.* 1991. S. 259-273. S. 263.

⁵¹ *Ibid.*

⁵² *Ibid.*

⁵³ *Ibid.* S. 264.

Опыт неотторжим от познания: «Опыты о человеческом разумении» Д. Юма – фундамент, от которого отталкивается гаманновская мысль, акцентируя предустановленную гармонию между языком человека и языком природы⁵⁴. Постоянно действующие правила языка не осознаваемы по большей части. По отношению к этим правилам, пишет Гаманн, человек ведет себя так же безотчетно и спонтанно, как зверь, руководимый инстинктом⁵⁵. Можно, как мы видели, проследить это на примере философского языка – термин ведет за собой разворачивание заложенных в нем смыслов и нужно большое усилие, чтобы прервать навязываемую термином систему ассоциаций, в том числе грамматических (синтаксических) стилистических. Язык ведет за собой – как корень *eid-/id-* вел за собой тех, кто к нему прикасался.

Декартовское *cogito ergo sum* в гаманновской транскрипции звучало бы: *est ergo cogito*⁵⁶. Это значит – «существует Нечто, что дает возможность мыслить мне». И это совсем не тождество бытия и мышления. Мыслю – я. Я есмь. Акцент сделан именно на приоритете бытия, а не мышления. Декартовское *cogito ergo sum* предполагает *ergo Deus est* (так на самом деле могло бы выглядеть его ставшее афоризмом-идиомой высказывание), что звучит так же, но древо Декарта перевернуто. По Гаманну, если нечто есть, и оно дает о себе знать языком, следовательно, язык есть, следовательно, я существую. Или: Бог есть, следовательно, язык есть – следовательно, я есть и для меня мышление (познание бытия) возможно.

Подведем итоги. Гаманновское *communicatio idiomatum*, выросшее из философско-богословского осмысления соединения двух различных природ в Христе, объясняет, каким образом совершается познание. «Свойство», ведущая сема *eid-/id-*, нуждается в связке – согласии и взаимоустремленности «внешнего» и «внутреннего» друг к другу. В сфере идиоматики это делается образующим принципом: созерцание⁵⁷

---

⁵⁴ Ibid. S. 267.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Ibid. S. 268.

⁵⁷ Постановка созерцания в центр проблемы происхождения языка была характерна, например, для И.Г. Гердера, единственного ученика Гаманна, не всегда согласного с ним: человек, считал Гердер, обладая способностью к созерцанию, отражению и сравнению, способен именовать; однако язык, по Гердеру, не то, что врождено человеку, но является продуктом его психической деятельности – язык появляется по природе человеческой души, как у Гоббса и Локка (об этом см., напр., *Нелюбин Л.Л. Хухуни Г.Т. История науки о языке. М., 2008. С. 67-68*). Разум накладывает отпечаток на язык, «благодаря которому он обретает

(исходная, «бытовая», обыденная сема eid-/id-, развившая свои дополнительные валентности в трудах Платона и Аристотеля) и опытное познание являются тем, что и дает возможность и основание мышления.

видимый облик и передается от поколения к поколению» (*Медведев В.И.* Философия языка. Очерки истории. СПб., 2012. С. 110). В этом состояло их с Гаманном принципиальное и мучительное для обоих разногласие.